Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Медиа и политические исследования | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.775

The Anatomy of the “Apparatus”: Actor-Network Analysis of the Continuity of the Russian Political Class

Andrey G. Ivanov (a), & Aleksey A. Tselykovskiy (b)

(a) Lipetsk State Technical University; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch. Lipetsk, Russia. Email: agivanov2[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-1136-251X

(b) Lipetsk State Technical University. Lipetsk, Russia. Email: alts1085[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2442-5463

Received: 29 March 2026 | Revised: 27 April 2026 | Accepted: 3 May 2026

Abstract

The article examines the problem of sustainability and transformation of Russian administrative practices in the context of institutional reforms, digitalization and updating of personnel mechanisms. The problem lies in the fact that modern public administration is often described either through the language of technological modernization or through criticism of bureaucratic inertia, while the internal logic of reproduction of managerial practices and their historical rootedness remains in the shadow. The Russian case demonstrates that the new ways of organizing power do not arise from scratch, but unfold within long-standing structures that retain the features of the previous administrative logic. The purpose of the study is to identify how the models of power organization inherited from the Soviet era are preserved, adapted, and re-formed in the structure of the modern Russian political class and bureaucratic “apparatus” using the methodology of B. Latour’s actor-network theory. As a result of the research, it is shown that the Soviet bureaucracy developed as a relatively autonomous system of political and administrative domination based on the interweaving of formal hierarchy, the nomenclature principle, patronage relations and mechanisms of closed personnel reproduction. It has been established that in the post-Soviet period, these principles did not disappear, but were integrated into new management contours, including digital platforms, personnel competitions, interdepartmental interactions, evaluation procedures and modern administrative control technologies. It is concluded that the Russian political class and the associated administrative apparatus should be considered as a hybrid actor-network configuration in which power relations are supported by the interaction of people, institutions, documents, digital technologies, symbolic practices and organizational routines. This perspective makes it possible to describe continuity not as a simple preservation of Soviet forms, but as a process of their constant translation, reassembly, and incorporation into new management networks.

Keywords

B. Latour; Actor-Network Theory; Bureaucracy; Statehood; Public Administration; USSR; Political Class; Digitalization; Electronic Government; Administrative Reform

This work is licensed under a Creative Commons “Attribution” 4.0 International License
© 2026 Andrey G. Ivanov, & Aleksey A. Tselykovskiy

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Media & Political Studies | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.775

Анатомия «аппарата»: акторно-сетевой анализ преемственности российского политического класса

Иванов Андрей Геннадиевич (a), Целыковский Алексей Андреевич (b)

(a) Липецкий государственный технический университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал. Липецк, Россия. Email: agivanov2[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0003-1136-251X

(b) Липецкий государственный технический университет. Липецк, Россия. Email: alts1085[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2442-5463

Рукопись получена: 29 марта 2026 | Пересмотрена: 27 апреля 2026 | Принята: 3 мая 2026

Аннотация

В статье рассматривается проблема устойчивости и трансформации российских административных практик в условиях институциональных реформ, цифровизации и обновления кадровых механизмов. Проблема заключается в том, что современное государственное управление нередко описывается либо через язык технологической модернизации, либо через критику бюрократической инерции, тогда как внутренняя логика воспроизводства управленческих практик и их историческая укорененность остаются в тени. Российский случай демонстрирует, что новые способы организации власти возникают не на пустом месте, а разворачиваются внутри длительно существующих структур, сохраняющих черты прежней административной логики. Цель исследования состоит в выявлении того, каким образом унаследованные от советской эпохи модели организации власти сохраняются, адаптируются и переоформляются в структуре современного российского политического класса и бюрократического «аппарата» с использованием методологии акторно-сетевой теории Б. Латура. В результате исследования показано, что советская бюрократия сложилась как относительно автономная система политико-административного господства, основанная на переплетении формальной иерархии, номенклатурного принципа, патронажных связей и механизмов закрытого кадрового воспроизводства. Установлено, что в постсоветский период эти принципы не исчезли, а были встроены в новые контуры управления, включая цифровые платформы, кадровые конкурсы, межведомственные взаимодействия, оценочные процедуры и современные технологии административного контроля. Сделан вывод о том, что российский политический класс и связанный с ним административный аппарат целесообразно рассматривать как гибридную акторно-сетевую конфигурацию, в рамках которой властные отношения поддерживаются взаимодействием людей, институтов, документов, цифровых технологий, символических практик и организационных рутин. Такой ракурс позволяет описывать преемственность не как простое сохранение советских форм, а как процесс их постоянного перевода, пересборки и включения в новые управленческие сети.

Ключевые слова

Латур; акторно-сетевая теория; бюрократия; государственность; государственное и муниципальное управление; СССР; политический класс; цифровизация; электронное правительство; административная реформа

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Иванов Андрей Геннадиевич, Целыковский Алексей Андреевич

Введение

Современная система государственного управления находится в состоянии трансформации, движимой вызовами цифровизации, медиатизации и поиском новых эффективных моделей. Российский случай демонстрирует парадоксальную ситуацию: череда административных реформ последних десятилетий протекает поверх устойчивых, исторически сложившихся оснований системы управления. При этом научный дискурс зачастую фокусируется либо на анализе новых технологических трендов и формальных институтов, либо на критике архаичных элементов бюрократического аппарата, упуская из виду ключевой аспект – преемственность глубинных административных практик. Актуальность данного исследования, таким образом, обусловлена необходимостью преодолеть этот разрыв, предложив комплексный анализ современного российского политического класса как гибридного феномена.

Особую значимость такому анализу придает наблюдаемый в современной российской социально-политической практике системный возврат и интеграция советского наследия. В связи с этим исследование ставит целью не просто описать текущие изменения, но выявить механизмы адаптации и воспроизводства унаследованных от советской эпохи моделей организации власти – того, что на концептуальном уровне можно обозначить как «аппарат».

Для решения этой задачи в исследовании применяется методологический инструментарий акторно-сетевой теории Б. Латура, которая позволяет проследить, как традиционные и новые элементы – индивиды, институты, традиции, цифровые платформы – сплетаются в устойчивые сети управления. Подобный ракурс анализа раскрывает государственное управление и бюрократию как живой процесс, в котором формальные нормы и унаследованные от прошедшей эпохи негласные правила оживают и обретают воплощение в новой ситуации. Исследование вносит вклад в понимание логики эволюции российской государственности, раскрывая диалектику устойчивости и трансформации ее административной машины.

Бюрократия и «аппарат» власти в социально-философской и политической теории

В философской и социально-политической мысли феномен бюрократии рассматривался в различных теоретических перспективах, среди которых для целей данного исследования наибольшее значение имеют несколько ключевых подходов. Прежде всего следует отметить классическую концепцию бюрократии, сформулированную М. Вебером, который рассматривал ее как рациональную форму организации власти, основанную на системе формальных правил, иерархии должностей и профессионализации управления (2019) Веберовский подход интерпретирует бюрократию как институци-

ональный механизм реализации законно-рационального господства, обеспечивающий эффективность и предсказуемость административных процессов.

Вместе с тем в рамках элитологии, представленной работами Г. Моска и В. Парето, бюрократия рассматривается как особая форма организации правящего меньшинства, осуществляющего управление через специализированные административные структуры. Согласно концепции Г. Моска, в любом обществе, достигшем определенного уровня развития, неизбежно складывается разделение на две основные группы – правящее меньшинство и управляемое большинство. Меньшинство, которое Г. Моска обозначал термином «политический класс», осуществляет функции управления благодаря более высокой степени организованности, профессиональной подготовки и способности координировать коллективные действия. Особенность бюрократического государства, по Г. Моска, заключается в том, что функции управления распределяются не по территориальному принципу, а по функциональному характеру деятельности, что приводит к формированию сложной иерархии административных органов и должностей (2023). Таким образом, бюрократия становится механизмом институционализации политического господства, обеспечивая воспроизводство управленческой элиты и устойчивость властных отношений.

Развивая идеи Г. Моска, В. Парето рассматривал бюрократию в контексте более широкой теории циркуляции элит. По его мнению, во всех обществах существует относительно небольшая группа людей, обладающих ресурсами власти и принимающих ключевые решения, тогда как основная масса населения остается объектом управления. Бюрократия в этой системе выступает не только инструментом административного управления, но и специфической социальной средой, в которой происходит формирование и воспроизводство правящих элит. При этом В. Парето подчеркивал, что бюрократические структуры обладают тенденцией к институциональной инерции и самоусилению. В условиях разрастания административного аппарата чиновники могут стремиться не столько к повышению эффективности управления, сколько к сохранению собственных позиций, расширению полномочий и укреплению внутриведомственной власти. В результате бюрократия может превращаться в относительно автономную структуру, склонную к консервации существующих порядков и сопротивлению институциональным изменениям (2024).

Классические интерпретации бюрократии позволяют рассматривать бюрократию не только как управленческий механизм, но и как систему воспроизводства властных отношений. В контексте интересующей нас проблемы это означает, что бюрократию следует понимать не просто как совокупность формальных институтов, но как сложную систему взаимодействий между различными акторами – управленческими элитами, административными структурами, нормами и процедурами, – формирующую устойчивые конфигурации власти и управления.

В рамках критической теории общества существенный вклад в осмысление феномена бюрократии внес Г. Маркузе. В его интерпретации бюрократия выступает не только как административный механизм управления, но и как форма рационализированного социального контроля, поддерживающая существующие структуры власти и господства (1994). Г. Маркузе указывал, что в условиях индустриального общества бюрократические структуры способствуют формированию «технической рациональности», которая превращает социальные процессы в систему формальных процедур и тем самым подавляет критическое мышление и автономию индивида.

В философии XX века значительное внимание уделяется критическому осмыслению бюрократии как системы социального контроля и регулирования. В частности, М. Фуко интерпретирует бюрократические институты как элементы более широкой системы дисциплинарной власти, формирующей нормы поведения и регулирующей социальные практики через административные процедуры (2022). Подобная перспектива позволяет рассматривать бюрократию не только как инструмент рационального управления, но и как механизм воспроизводства властных отношений.

Исходя из обозначенных теоретических подходов, представляется необходимым обратиться к российскому социально-философскому и политологическому дискурсу, в рамках которого феномен бюрократии рассматривается применительно к специфике отечественной государственности – как в контексте советской модели административного аппарата, так и в условиях его трансформации в современной России.

Прежде всего, стоит отметить довольно специфичное восприятие чиновничества и бюрократии в российской политической культуре. Как замечает по этому поводу А. В. Оболонский:

> «Пожалуй, не было в России другой такой социальной группы, которая бы всегда, при любом правителе и обстоятельствах, подвергалась бы столь постоянной и резкой критике со всех сторон, как чиновничество» (2015, с. 146).

Действительно, бюрократия, «аппарат» в российской политической культуре никогда не воспринималась исключительно как нейтральный инструмент административного управления. Напротив, она традиционно рассматривалась как сложный социально-политический феномен, одновременно необходимый для функционирования государства и вызывающий устойчивое недоверие и критическое отношение со стороны общества. Подобная двойственность восприятия складывается еще в дореволюционный период. Амбивалентность в отношении к чиновничеству не исчезла и в советскую эпоху, когда бюрократический аппарат, формально встроенный в систему партийно-государственного управления, приобрел ряд специфических организационных и практических черт.

Формирование советской бюрократии носило парадоксальный характер: провозгласив после революции 1917 года ликвидацию старого чиновничества

и отказ от профессионального административного аппарата, новая власть довольно быстро была вынуждена воссоздать управленческую систему, хотя и в специфической форме. В первые годы советского государства бюрократический корпус складывался из двух основных групп – партийных назначенцев, отобранных по принципу политической лояльности и личных связей, и привлеченных к работе дореволюционных специалистов, обладавших необходимыми управленческими компетенциями.

Постепенно на основе партийного контроля над кадровыми назначениями сформировалась номенклатурная система, представлявшая собой сеть управленческих позиций и механизмов распределения должностей, обеспечивавших политическую лояльность и централизованное управление административным аппаратом. В результате советская бюрократия превратилась в сложную иерархическую структуру, в которой формальные институты управления переплетались с неформальными механизмами патронажа, контроля и распределения ресурсов.

Завершение формирования советской бюрократии произошло в послесталинский период, когда номенклатурная система окончательно стабилизировалась и приобрела черты замкнутой корпоративной структуры. В условиях ослабления репрессивного контроля управленческий аппарат получил значительную автономию, а ключевые позиции в нем закреплялись через устойчивые сети личного патронажа, ведомственных групп и неформальных связей. Как замечает по этому поводу П. В. Крашенинников:

> «Кнут в виде репрессий в отношении нелояльных или нерадивых бюрократов и террора в отношении населения был отвергнут. Сделано это было отнюдь не на законодательном уровне… <…>, а на неформальном, понятийном уровне» (2026, с. 15).

В результате к позднесоветскому периоду бюрократия превратилась в относительно самостоятельный социальный слой, воспроизводивший собственные кадровые и властные механизмы и постепенно подчинявший своему влиянию значительную часть общественной и экономической жизни. Закостеневая, «аппарат» перешел на стадию стагнации. По замечанию А. В. Оболонского,

> «для номенклатуры наступила эпоха безответственного благополучия, достигшая апогея в брежневские времена – период, когда система пришла уже в состояние гниения. Но сама номенклатура приобрела при этом большую самостоятельность и бесконтрольность. Страх перестал довлеть над чиновниками» (2015, с. 157).

Таким образом, советская бюрократия оформилась как особый и относительно автономный элемент политической системы, обладавший собственной логикой функционирования, основанной на сочетании формальной административной иерархии с устойчивыми неформальными сетями патронажа, ведомственной замкнутости и корпоративного воспроизводства кадров.

Своеобразие советской бюрократии в противовес бюрократии западного типа было исследовано в работах М. С. Восленского. В частности, он показал, что советская бюрократия представляла собой не просто административный механизм управления, а особый социальный слой, обладавший монополией на распределение властных ресурсов и доступ к привилегиям (номенклатура). По мнению М. С. Восленского, номенклатура функционировала как замкнутая система кадрового воспроизводства, где ключевые позиции занимались через внутренние механизмы назначения и контроля, что обеспечивало устойчивость управленческой элиты. При этом советская номенклатура представляла главным образом политическую власть. По его мысли,

> «номенклатура осуществляет в первую очередь именно политическое руководство обществом, а руководство материальным производством является для нее уже второй задачей. Политическое управление – наиболее существенная функция номенклатуры» (2019, с. 116).

Подход М. С. Восленского позволяет рассматривать советскую бюрократию как специфическую форму институционализированной власти, в которой административные структуры, партийные механизмы и системы привилегий образовывали единую устойчивую конфигурацию управления.

Бюрократия представляет собой не только административный механизм управления, но и сложную систему воспроизводства власти, в которой институциональные структуры, управленческие элиты, нормы и практики образуют стабильные модели взаимодействий. Особенно наглядно это проявилось в советской модели «аппарата», где формальная иерархия государственных органов была тесно переплетена с неформальными механизмами патронажа, кадрового воспроизводства и распределения ресурсов. Подобная перспектива открывает возможность рассматривать бюрократию и, в целом, политический класс как сеть взаимосвязанных акторов и практик управления, что делает методологически продуктивным обращение к инструментарию акторно-сетевой теории при анализе современного бюрократического «аппарата».

Современное государственное и муниципальное управление в России представляет собой тесное переплетение работы органов публичной власти разных уровней (федерального, регионального, местного), осуществляющих разные функции – администрирование, законодательствование, представительство интересов, судопроизводство, контроль. А если добавить к всему отмеченному выше широкое включение в работу политиков и чиновников информационно-коммуникационных технологий, то получается целая сложная разветвленная сеть акторов, осуществляющих известное функциональное аппаратное производство.

Конечно, к настоящему времени существует множество определений политико-бюрократических конфигураций для всех существовавших в истории понятий политий, данных в рамках политических, экономических наук. Но мы хотели бы взглянуть на текущие процессы государственного

и муниципального управления в России методологически широко, в частности, примеряя к ним оптики акторно-сетевой теории, которые с учетом активной цифровизации управленческих практик, смотрятся многообещающе, тем более, если иметь ввиду так называемую агентность как кадрового ресурса, так и вещей.

Нашей задачей станет демонстрация развития и утверждения в Российской Федерации новых, претендующих на высокую технологичность методов отправления публичной власти, связанных с новыми же форматами взаимодействия между включенными в процессы администрирования, принятия политических решений акторами – от рядовых чиновников до высших должностных лиц государства. При этом особенностью разворачивающихся сегодня практик публичного управления оказывается все большее включение в них подходов и рецептов, зарекомендовавших себя еще в советское время.

С 10 по 13 февраля 2026 года на площадке Президентской Академии в Москве состоялся первый Международный конгресс государственного управления. Его миссия, как отмечено на странице мероприятия, – стать центром формирования лучших практик, определения ключевых векторов развития и практических задач с целью повышения качества государственного управления. Программа Конгресса была выстроена вокруг шести тематических векторов, охватывающих ключевые аспекты современного государственного управления: 1) развитие государственной гражданской службы; 2) цифровизация государственного управления; 3) региональные и муниципальные практики; 4) регуляторная политика как инструмент снижения административной нагрузки на бизнес; 5) государство для людей; 6) стратегическое управление приоритетами. Кроме того, сессии Конгресса структурированы не только по тематическим векторам, но и по трем сквозным направлениям: стратегирование (повышение эффективности целеполагания и выработка долгосрочных приоритетов), реализация (выработка и консолидация позиций между органами публичной власти для ускорения принятия решений) и транслирование (тиражирование достижений и модернизация механизмов обратной связи с обществом)[1].

Тон Конгрессу задал первый заместитель руководителя администрации Президента Российской Федерации С. В. Кириенко, который в мотивирующей речи заявил, что система государственного управления в России, благодаря запущенному Президентом России в 2017 году конкурсу «Лидеры России», впервые стала открытой, что оценка госслужащих стала более объективной вследствие включения в нее социологических показателей и, главное, что изменение культуры управления происходит только по воле первого лица.

Между тем, в провозглашенной на Конгрессе новой комбинации объективных и субъективных факторов в оценке административного аппарата

1 См.: https://roscongress.org/events/pervyy-mezhdunarodnyy-kongress-gosudarstvennogo-upravleniya/about/

видится некий релятивизм, указывающий на сложность отражения объективной реальности, когда возникают сомнения в роли субъекта. Это выводит на первый план понятие актора, который «…действует, но в отличие от субъекта его действия могут быть лишены целенаправленной воли на преобразование или познание» (Федотова, 2007, с. 494).

В девизе акторно-сетевой теории «идти за самими акторами» нам увиделись перспективы изучения все более расширяющейся отечественной «Вселенной чиновников» – от советской номенклатуры до современных российских технократов, вооруженных гаджетами с дашбордами.

«Аппарат» как акторно-сетевая структура

Методология акторно-сетевой теории (далее – АСТ) Б. Латура становится эффективным инструментом анализа исследования социально-политических процессов. Отказываясь от жесткого разделения на «государство», «общество» или «экономику», АСТ предлагает рассмотреть социально-политическую практику как динамичную сеть взаимодействий между людьми, институтами, идеями, технологиями и природной средой. К примеру, любое политическое решение можно анализировать не просто как результат проявления воли политика, а как продукт взаимодействия различных политических сил, научных данных и технологий, настроений граждан, природных факторов и так далее. Теория также помогает выявить «контроверзы» – моменты, когда сеть перестраивается. Вместо изучения «стабильных» структур (правительство, партии, институты) АСТ фокусируется на процессе их постоянного воспроизводства через практики (например, того, как законы исполняются или игнорируются на местах).

Таким образом, АСТ дает инструменты для анализа политики как перформативного процесса, где реальность создается через взаимодействие гетерогенных элементов, а не сводится к борьбе различных политических сил. Применяя АСТ к анализу политического класса, можно отказаться от его традиционного понимания как замкнутой, в чем-то иерархической системы и вместо этого рассмотреть ее как динамичную сеть, в которой власть производится через взаимодействие человеческих и нечеловеческих акторов.

Применяя АСТ, «аппарат» можно концептуализировать как динамичную и гетерогенную акторно-сетевую структуру. Эта структура состоит из множества взаимосвязанных человеческих и нечеловеческих акторов: политиков, чиновников, законодательных норм, документов, цифровых платформ, разных других материальных объектов. Каждый из этих элементов не просто обслуживает власть, но активно участвует в ее непрерывном производстве и стабилизации. Например, электронная система подачи заявлений перераспределяет контроль от чиновника к алгоритму.

Власть в этой сети – не данность, а результат постоянного процесса «перевода», в ходе которого интересы различных акторов (государства, чинов-

ников, граждан) адаптируются и согласуются через эти материальные посредники. Устойчивость «аппарата» как раз и объясняется его сетевым характером, способностью интегрировать и удерживать связи между разнородными элементами.

Однако именно эта сетевая природа делает систему одновременно и устойчивой, и уязвимой. Когда в устоявшуюся сеть вводится новый мощный актор – новый политический лидер или масштабная цифровизация, – историческая бюрократическая логика может дать сбой, порождая «контроверзы» – системные разрывы, проявляющиеся, например, в виде коррупционных схем или поиска обходных путей. АСТ позволяет проследить, как «аппарат» переформатируется в ответ на такие вызовы, демонстрируя свою эволюционную динамику.

Поскольку предметом основного исследовательского интереса являются формальные и неформальные механизмы и структуры, формирующие основу современной российской бюрократической машины и управленческого аппарата, необходимо подобнее остановиться на основных факторах, определяющих характер современного российского политического класса.

Хотя формальное основание новой российской государственности после 1991 года означало радикальный разрыв с советской политической системой, ключевым актором в этой трансформации выступила сама прежняя управленческая элита. Говоря языком терминов АСТ, произошел процесс «перевода», в ходе которого человеческие акторы – бывшие партийные функционеры – принесли с собой в новые институты целый комплекс нечеловеческих акторов: укорененные практики, а также неформальные нормы и ритуалы. Таким образом, «аппарат» как сеть устойчивых связей и способов организации власти не был ликвидирован, а стал критически важным элементом для сборки новой, постсоветской управленческой реальности, обеспечив преемственность на уровне повседневных операций, а не только деклараций.

Акторно-сетевой анализ преемственности российского административного аппарата

При всем существующем в настоящее время многообразии трактовок и понятий акторно-сетевой теории (здесь отошлем к дискуссионным статьям в тематических номерах журнала «Логос» в 2017 году (том 27, № 1 за 2017 год и том 27, № 2 за 2017 год; например, Д. Блура (2017), М. Каллона (2017)) остановимся на «программной» работе Б. Латура «Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию» (2020), в которой он дает исчерпывающее истолкование ключевых для подхода вещей, выделяя присущие социальному миру источники неопределенности в целом и объясняя, как восстановить прослеживаемость всевозможных ассоциативных рядов.

Обратимся сразу к ключевым латурнианским АСТ-идеям, рассматриваемым нами в контексте коммуникаций внутри и вокруг аппарата чиновников и политиков.

Б. Латур зафиксировал пять источников неопределенности и описал три шага на пути в тому, чтобы сделать ассоциации снова прослеживаемыми.

Источники неопределенности:

1. *Групп нет – есть группообразования*. Но в случае с чиновниками (и, возможно, с политиками) этот тезис не работает, так как они должны как бы забыть о своих личных предпочтениях и в работе руководствоваться исключительно административными и должностными регламентами; они должны быть, в терминологии Б. Латура, «проводниками», тогда как «посредники», способные изменять смыслы, – это, очевидно, политики. Но в действительности часто бывает так, как отмечено самим Б. Латуром:

> «...С точки зрения АСТ не существует предпочтительного типа социальных объединений, а число посредников бесконечно, и если они превращаются в добросовестных проводников, то это не правило, а редкое исключение, объяснение которого требует дополнительного труда – обычно с привлечением даже большего числа посредников!» (2020, с. 60).

Здесь обратим внимание на подходы к классификации моделей модернизации государственного управления и групп интересов в государственном управлении, в которых, что показательно, всегда отдается должное гражданскому обществу.

Так, сетевая модель модернизации государственного управления исходит из того, что

> «“Хорошее” государственное управление определяется отнюдь не силой государства, ориентированной на выполнение принятых решений, а его способностью создавать и поддерживать сетевые структуры, в рамках которых оно совместно с частными групповыми интересами вырабатывает и реализует эффективную, согласованную и целенаправленную систему управления...» (Купряшин, 2012, с. 58).

Власть оказывается не только свойством, атрибутом полномочий индивидуального или группового субъекта, а все более сложной и многоуровневой системой (сетью) отношений (с. 58). При этом гражданское общество в такой модели рассматривается как встроенное в институты выработки государственных решений, и сетевые структуры далеко не всегда подразумевают, что воздействие гражданского общества и его институтов на процессы принятия государственных решений представляет собой чисто внешнее воздействие организованных групп на процессы государственного управления:

> «В реальности имеет место более сложное взаимодействие заинтересованных групп и государства, в ходе которого каждая из сторон совместно участвует в выработке и принятии государственных решений и управленческом процессе как таковом. Группы интересов выступают как своего рода соучастники государственного управления, а само государственное управление выходит за рамки

государственных институтов и вовлекает в свою сферу некоторые из наиболее влиятельных общественных институтов» (с. 59).

Что касается групп интересов в государственном управлении, — наряду с функционированием классической системы представительства интересов выделяется их корпоративное представительство, лоббизм, но наиболее близки к латурнианскому представлению о группообразованиях политические сети, работающие следующим образом:

> «Действуя в условиях относительно открытого политического пространства, когда компетенция различных структур четко не очерчена, а сферы интересов зачастую перекрещиваются, отчасти совпадают или конкурируют друг с другом, группы интересов могут вступать в потенциальные коалиции и преумножать потенциал своего давления, *распадаясь сразу после принятия соответствующего решения.* В свою очередь, взаимодействие интересов на каждом из этих уровней оказывает существенное влияние на формирование предпочтений участников процесса выработки решений, национальных правительств или наднациональных органов» (с. 213).

2. *Действие захватывается.* Здесь имеется ввиду, что в ход любого действия вторгается множество различных агентов, изменяющих его первоначальные цели; при этом природа компонентов, образующих социальные связи, гетерогенна.

Одной из ключевых особенностей акторно-сетевой теории является идея, что акторы обязательно должны себя как-то проявлять, производя какие-то действия, оставляя что-то после:

> «Невидимая сила, не производящая изменений, не совершающая преобразований, не оставляющая следов и не входящая в отчет, – это не сила. <…> Говоря о силе, вы должны дать отчет о ее действии, а для этого вам придется более или менее прояснить, какие именно испытания оставили наблюдаемые следы» (Латур, 2020, с. 77).

Сегодня – это цифровые следы, которые более или менее прослеживаются. Но особенностью Российской Федерации, на наш взгляд, является довольно активное вмешательство чиновников в ход исполнения решений органов законодательной власти (то, что называется регламентарной властью и применением дискреционных полномочий органами исполнительной власти в России), а также то обстоятельство, что в условиях социально-политической турбулентности многие сведения о результатах деятельности органов исполнительной власти публично не обнародуются (например, Росстат засекретил данные о зарплатах чиновников и демографические показатели[1]). В такого рода ситуациях траектории действий проследить не удастся даже цифре.

3. *Объекты тоже активны.* Таких активных объектов, которые в современном российском обществе и процессах публичного управления, если присмотреться, становится все больше. Это и единый день голосования,

1 См.: https://www.forbes.ru/society/555472-rosstat-perestal-raskryvat-dannye-o-zarplatah-gossluzasih-i-zkh

и многочисленные национальные проекты, и конкурсы типа «Лидеры России», и центры подготовки типа мастерской управления «Сенеж», и практики блокчейна, и функционирование портала «Госуслуги» и так называемого электронного правительства в целом. Сюда можно отнести и фактор российского защищенного мессенджера «Max», необходимость применения которого в настоящее время прописывается, например, в должностных регламентах госслужащих (при этом некоторые чиновники используют данное приложение, приобретая себе дополнительные гаджеты, что говорит уже о переплетении формальных и неформальных практик). Все перечисленные инициативы и нововведения являются иллюстрациями того, как все новые объекты становятся участниками действия, а в широком смысле, совокупности управленческих действий, становясь таким образом примерами тех самых non-humans (акторов-нечеловеков), в нашем случае определяющих политико-управленческой ландшафт современного российского государства. И любой из отмеченных выше примеров объектов можно легко представить в качестве сети, окутывающей государство, проникающей в каждый отделенный его уголок.

Кончено, можно сразу найти ряд особенностей. Так, единый день голосования не распространяется на главу государства (президента выбирают в другие дни), а такой интересный кейс в контексте избирательной кампании как новые нарезки избирательных округов в преддверие выборов касается и территорий, и людей, причем непосредственно. И действительно,

> «…элементы, составляющие эту (социальную) среду, двоякого рода: вещи и люди. В число вещей нужно включить помимо находящихся в обществе материальных объектов еще и продукты предшествующей социальной деятельности: действующее право, укоренившиеся нравы, художественные и литературные памятники и т. д.» (Дюркгейм, 1995, с. 128).

Эта важная ссылка на Э. Дюркгейма у Б. Латура дает нам все основания считать советское прошлое также и в качестве того, что продолжает, несмотря на как минимум сорокалетний временной лаг, оказывать влияние на, так сказать, политический менталитет современного российского общества и даже определять его развитие. В связи с этим нельзя не отметить тенденцию «ползучего» возвращения в современное российское общественно-политическое поле в явном или завуалированном виде практик и ритуалов, символических жестов, зарекомендовавших себя в советское время (например, учреждение звания Героя Труда, возрождение ГТО, переименование ВВЦ в ВДНХ, создание «Движения первых» и т. п.). Тут важно отметить выделяемое Б. Латуром отличие актора от актанта («…любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создает различие, является актором, или, если у нее еще нет фигурации, актантом» (Латур, 2020, с. 101). Получается, что компоненты советской власти постепенно превращаются из актантов в акторов и агентов, почти непосредственно участвуя во взаимодействии между государством и обществом, в публичном управлении.

4. *Реалии фактические vs реалии дискуссионные*. Природа фактов также провоцирует неопределенности. С одной стороны, в современном российском государственном и муниципальном управлении все чаще имеет место апеллирование к так называемой оценке регулирующего воздействия (или анализу регуляторного воздействия), представляющего собой оценку социально-экономических последствий вводимого или введенного ранее государственного регулирования (и – далее – к уже оценке фактического воздействия); с другой стороны, распространенное обращение органов публичной власти к услугам известных учреждений, многие годы проводящих социологические опросы – таким, как Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) или Фонд «Общественное мнение», – и последующее предъявление соответствующих результатов общественности привносит в действия властей элементы субъективизма, хотя Кириенко и заявляет о более объективной оценке государственных служащих вследствие включения в нее социологических показателей.

При работе правительственных или депутатских групп, при межведомственных взаимодействиях цепочка посредников, конечно, не равна цепочке проводников, так как множественность у Б. Латура является свойством вещей, а не людей, интерпретирующих вещи. Поэтому французский специалист и призывает двигаться, «…но в направлении от обедненного репертуара проводников к в высшей степени комплексному и полному разногласий множеству посредников» (с. 166), а также не путать «…сборку коллектива с простым описанием уже собранных сущностей или с пучком гомогенных социальных отношений» (с. 145).

5. *Пишем рискованные отчеты*. Кончено, графики с красивыми картинками и цифрами на слайдах, нравится руководителям любого масштаба, однако то, как они возникают в результате целой сети взаимоотношений, где могут происходить, как отмечалось ранее, сбои, ошибки, искажения, так называемые контроверзы, остается открытым вопросом. Хотя сегодня, с развитием работы с большими данными, с внедрением в административную работу искусственного интеллекта и т. п. количество «фатальных» ошибок радикально снижается, и на первый план выходят «технократические» навыки. Показательно, что, комментируя этот источник неопределенности, Б. Латур, в частности, дает интерпретацию понятия «сеть» как связанного ряд действий, где каждый – посредник; сеть – не вещь, а понятие: инструмент для описания чего-то другого, а не предмет описания; сеть – это след, оставленный движущимся агентом (с. 180–190).

И здесь обратим внимание на то, что в России до совсем недавнего времени сохранялись практики двойного отражения в отчетах данных (например, количество патриотических мероприятий или число граждан, занимающихся спортом), что с развитием электронного государства не так быстро, но все же уходит в прошлое. Ведь еще в мае 2008 года с целью повы-

шения эффективности, обеспечения объективности и ответа на быстро развивающиеся технологии Правительство Российской Федерации утвердило концепцию электронного правительства.

> «Электронное государство представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий для преобразования правительства с целью сделать его более доступным для граждан, более эффективным и более подотчетным. <…> Электронное правительство – система государственного управления на основе электронных средств обработки, передачи и распространения информации. <…> Электронное правительство (англ. e-government) – способ предоставления информации и сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии. <…> Общим для всех определений электронного правительства является следующее: применение во внутренней работе органов власти и при взаимодействии с гражданами информационных технологий» (Вопросы создания…, 2012, с. 14–15).

С развитием электронного правительства должна решаться и так называемая проблема агентства: ситуация управления между неравными акторами, имеющими разные степени информированности. И уже как то, что никогда не сможет произойти в современных условиях, воспринимаются скандалы с приписками в СССР, случившиеся в начале 1960-х годов. Тогда массовая фальсификация отчетов о выполнении планов сельскохозяйственного производства на региональном уровне стала самым явственным проявлением кризиса, связанного с проблемой агентства (в ситуации того времени – работы региональных секретарей):

> «Особенно тревожным в глазах центрального руководства был тот факт, что в большинстве случаев эти подтасовки производились с подачи людей, которые были самыми верными исполнителями воли Хрущева» (Хлевнюк & Горлицкий, 2024, с. 264).

Приписки и другие злоупотребления оказывали разрушительное воздействие на состояние общественной морали и стимулы честного труда:

> «Модель экономического прорыва, не в первый раз взятая на вооружение, состояла из трех элементов. Высшее руководство провозглашало сложную и сверхамбициозную цель; избранная группа работников-ударников демонстрировала, что эта цель якобы достижима; партийный аппарат мобилизовал остальных рабочих на “ударный труд”. Поскольку поставленные задачи были явно невыполнимы, то награды рано или поздно присуждались тем, кто убедительнее всего лгал. Понятно, что у честных работников это могло отбить всякую охоту к труду» (Хлевнюк & Горлицкий, 2024, с. 284).

Проявляя осторожный оптимизм, мы надеемся, что в современных российских реалиях такого рвения со стороны политического класса мы не увидим, несмотря на усиление в его рядах мобилизационных настроений.

После того, как выявлены сложности и неопределенности в социальном, и, в нашем случае, в государственном управлении, следует, применяя герменевтику или метод восхождения от абстрактного к конкретному, на новом уровне понимания обратиться к обнаруженным связям, или сделать ассоциации снова прослеживаемыми.

В этом, согласно Б. Латуру, могут помочь три действия:

1. *Локализуем глобальное*. Для понимания данного процесса Б. Латур дает объяснение словосочетанию «актор-сеть»:

> «Обе части важны, отсюда и дефис. Первая часть (актор) раскрывает узкое пространство, в котором начинают вынашиваться все грандиозные компоненты мира; вторая часть (сеть) может объяснить, при помощи каких средств передвижения, следов, испытаний, типов информации мир вбирается внутрь этих мест и затем, трансформировавшись в них, выдавливается обратно наружу из их тесных стен» (2020, с. 252).

В Российской Федерации в настоящее время таким актором, где вынашиваются и принимаются важнейшие государственные решения, является Президент и его администрация, которые, как в советское время Политбюро КПСС, выступают в качестве главных инициаторов государственных решений, на перспективу определяющих дальнейшие конфигурации и действия административного аппарата, включая региональные и отраслевые его звенья, а также депутатов всех уровней системы публичной власти. Интересно, что, на наш взгляд, работу в регионах федеральных инспекторов как сотрудников президентской администрации при этом вполне можно сравнить с деятельностью вторых секретарей в национальных республиках в советское время, во многом с связи с реализацией специфических контрольных функций.

Таким образом, основные решения центра в России локализуются посредством цепочки, идущей от главы государства через его администрацию в лице, в том числе, полномочных представителей в федеральных округах; и далее – к высшим должностным лицам субъектов федерации (губернаторам). При этом вся такая цепь сегодня пронизывается и контролируется посредством электронного правительства, позволяющего увидеть весь масштаб административной работы: «…Чем больше развиваются наука и технология, тем физически легче прослеживать социальные связи» (с. 253).

2. *Перераспределяем локальное*. И опять необходимо упомянуть электронное правительство, электронный документооборот и напомнить, что значимость информационно-коммуникационных технологий подчеркивалась самим Б. Латуром:

> «…Информационные технологии позволяют отслеживать ассоциации способом, который раньше был невозможен. Не потому, что они ниспровергают старое конкретное “гуманное” общество, превращая нас в формализованных киборгов или “постгуманоидных” призраков, а по совершенно противоположной причине: они делают видимым то, что раньше присутствовало лишь виртуально» (с. 289).

В связи с этим отметим, что в первую очередь в поле зрения должны попадать циркуляция, взаимодействие (например, меж- и внутриведомственная, между и внутри учреждений и т.п.), а уже потом – ландшафт, то есть то, где именно происходит взаимодействие такого рода. Но такое современное перераспределение в случае с российской системой государственного и муниципального управления касается, прежде всего, ресурсов – финансовых, материальных, кадровых. На последние обратим особое внимание и рассмотрим складывающуюся сегодня ситуацию с рекрутированием кадров на важные государственные должности.

В настоящее время в Российской Федерации сложилась достаточно разветвленная сеть институтов, включающих учебные заведения, молодежные организации, политические партии и т.п., проявляя активность в которых, можно ожидать продвижения по карьерной лестнице в органах публичной власти. Даже работникам корпоративного сектора, например, банковской системы, могут сделать предложение, от которого сложно отказаться, учитывая огосударствление большинства сфер общественной жизни. Так, пример с эволюцией региональной политической элиты в Липецкой области в последние годы демонстрирует востребованность выходцев именно из бизнес-структур:

> «Уникальной особенностью элитного строительства в Липецкой области является беспрецедентная активность ОАО “Сбербанк” в производстве каналов инкорпорации в региональный правящий класс. ОАО “Сбербанк” начинает выступать структурой-поставщиком элитных кадров в период правления И. Артамонова, который как раз и является выходцем из его структур <…> Сегодня И. Артамоновым предлагается принципиально новый стандарт кадрового отбора, сводящийся к следующей установке. Если человек успешен в бизнесе, равно как и в управленческих практиках, следовательно, он может быть успешен и в политике» (Скиперских, 2024, с. 292).

Отдельное значение в деле рекрутирования кадров на госслужбу имеют конкурсы, задуманные как некие социальные лифты, осуществляющиеся зачастую под эгидой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Не случайно Кириенко на первом Международном конгрессе государственного управления упоминал об открытости системы государственного управления в России, благодаря конкурсу «Лидеры России».

Ключевую роль в том, что такое оказывается возможным, играет Президент России, давший жизнь многим, если не всем таким инициативам. Сюда следует добавить и инициированную главой государства и стартовавшую в марте 2024 года кадровую программу «Время героев» по специальному обучению, подготовке кадров для государственной службы и формированию новой элиты России среди российских ветеранов и участников специальной военной операции. Здесь вновь обратим внимание на еще одну отсылку

к словам Кириенко на конгрессе: культура управления меняется только по воле первого лица.

Не претендуя на особую изобретательность, регионы в какой-то момент стали организовывать свои конкурсы лидеров, по аналогии с федеральными программами. Сегодня существует даже своеобразная франшиза, когда в процедуре оценки претендента на должность уровня регионального министра обязательно должны участвовать московские эксперты.

Вероятно, этот клубок взаимовлияний и зависимостей следует рассматривать в широкой перспективе и учитывать маятник колебаний от назначений высших должностных лиц субъектов федерации до возврата к их выборам, зачастую воспринимаемым как акт легитимации населением уже после одобрения соответствующей кандидатуры главой государства, случающегося за несколько месяцев до так называемого единого дня голосования.

3. *Соединяем места*. Для, так сказать, соединения мест мы должны знать, как все упомянутое выше – рекрутирование кадров, функционирование органов власти и учреждений, обмен информацией при принятии государственных решений и т. п. – работает; какую трансформацию претерпели коммуникативные агенты в лице современных чиновников и депутатов. И здесь необходимо отметить задачи, о которых напоминал Б. Латур:

> «…Чтобы сохранить верность эмпирическому пониманию социального, мы должны последовательно решить три разные задачи: развертывания, стабилизации и построения. Сначала мы должны научиться так развертывать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждой будущей сборки (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и, наконец, мы хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе» (2020 с. 343).

В России выступление главы государства или даже видных деятелей его администрации следует, таким образом, считать «…неким развертыванием, когда определяется, какому органу власти (или общественной организации) и когда предстоит решать конкретную задачу» (Иванов, 2022, с. 25). Сглаживание или стабилизация неопределенностей (которые, как правило, восходят к системным проблемам), касается, в первую очередь, работы с тем, что мы обобщенно назвали контроверзами; одна из ключевых ролей в этом процессе отводится представителям политического класса, так сказать, нового типа – цифровым технократам. Будущая сборка в ситуации современного российского государственного развития, опять же, перемещает фокус внимания на фигуру главы государства или национального лидера, способного реализовать сценарий «мудрый правитель», связанный «…с героическим мифом и с платоновским пониманием идеального государства» (с. 26).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что современный российский политический класс и связанный с ним административный «аппарат» целесообразно рассматривать не просто как совокупность изолированных институтов и должностей, а как сложную акторно-сетевую конфигурацию, в которой взаимодействуют человеческие и нечеловеческие акторы, формальные нормы, неформальные практики, цифровые технологии и унаследованные модели управления. Исследование продемонстрировало, что советская бюрократия сформировалась как относительно автономный элемент политической системы, обладавший собственной логикой воспроизводства, основанной на сочетании иерархии, патронажа, ведомственной замкнутости и корпоративного контроля над кадровыми ресурсами.

После распада СССР эта логика не была устранена, а подверглась своеобразному «переводу», в ходе которого прежние управленческие практики и ритуалы встроились в новые институциональные формы постсоветской государственности. В этом смысле современная российская бюрократия предстает как структура, сочетающая в себе элементы советского номенклатурного наследия и новые технократические, цифровые и кадровые механизмы управления.

Можно ли на основе вышеизложенного предложить какие-то новые подходы к государственному управлению? Вероятно, да. Так, дополнительно к семи выделенным подходам, артикулирующим явление ведомственности как феномена бюрократизма в советской истории (бюрократизм, группы интересов, экономические подходы, патрон-клиентизм, неотрадиционализм, ведомственное направление, постревизионизм) (Стась, 2025, с. 40–102) можно обозначить акторно-сетевой подход, применяя который уже к современной российской действительности (с учетом остальных подходов, пусть и довольно сильно видоизмененных по прошествии времени), на наш взгляд, можно иметь все возможности для составления объективного представления о положении дел при реализации государственной политики и при осуществлении государственного и муниципального управления.

Нужно ли стремиться делать сопоставимым и соизмеримым то, что происходило в сфере государственного управления в Советском Союзе, и то, что происходит сегодня в России? Конечно да, учитывая упомянутое выше ползучее возвращение советского в современные актуальные государственные управленческие практики. В действительности природа государственного управления характеризуется достаточно схожими в разные исторические периоды проблемами – от важности борьбы с коррупцией до необходимости что-то делать с постоянным разрастанием бюрократического аппарата, – демонстрируя своеобразное циклическое развитие. Поэтому, например, провозглашенный в 1920-е годы в СССР режим экономии в СССР вполне сравним с декларирующимися сегодня, в 2020-е годы, цифровизацией

и снижением административных барьеров (что, в свою очередь, восходит к задачам разных этапов современной административной реформы). Тогда, согласно Постановлению от 11 июня 1926 года «О режиме экономии», одним из основных направлений развития государственного управления стало

> «“упрощение и рационализация структуры учреждений и предприятий, в частности упрощение взаимоотношений частей их между собой, сокращение числа инстанций при прохождении дел и устранение параллелизма в работе; упразднение всякого рода излишних учреждений, предприятий, отделов, комиссий, совещаний, филиалов, представительств, агентств и т.п.”. Экономия включала в себя множество других более мелких решений – от отмены празднования юбилеев до установления времени рассмотрения вопросов. <…> Введение режима экономии в 1926 году являлось первой попыткой советской власти определить правила (у)правления в социалистическом государстве и административный контроль над чинами в самых различных учреждениях, которое что-то решают, делают, согласовывают и исполняют» (с. 130).

Сегодня, спустя ровно сто лет с момента издания того постановления, многие задачи кажутся удивительно похожими на объявленные цели и показатели административной реформы в России, институциональный этап реализации которой пришелся на 2006-2010 годы, когда были также и в 1920-е годы поставлены задачи упразднения дублирующих функций (одной из самых важных задач в начале административной реформы в 2003-2004 гг. стало «выявление избыточных административных функций» (Андриянов, 2011, с. 152), оптимизации функционирования органов исполнительной власти, сокращения сроков рассмотрения обращений граждан и т. п., но уже на основе электронного взаимодействия.

Post Scriptum

Более того, к настоящему времени у некоторых исследователей складывается впечатление, что электронное правительство работает настолько эффективно, что излишний контроль только мешает. Новый виток бюрократизма и контроля, а заодно с этим и очередной этап циклического развития государственного управления показывает нам кейс с лишними кураторами. Практика закрепления за внедряющимися с недавнего времени в отдельных российских регионах (преимущественно демонстрирующих невысокие показатели социально-экономического развития) индивидуальных программ социально-экономического развития (далее – ИПР) кураторов со стороны федеральных органов исполнительной власти показывает себя неэффективной, так как от кураторов требуется выполнение функций и решение задач, выходящих за рамки их сферы деятельности, и де-факто реализация большей части функций, возложенных на кураторов, осуществляется другими исполнителями:

> «...За каждым регионом с ИПР закреплено ответственное министерство-куратор. При этом определенной логики (хотя бы по отраслевому принципу) в распределении кураторов между регионами не прослеживается.
>
> <...> К сфере ответственности кураторов относится разработка документов ИПР. На практике же разработка документов программ, включая наполнение их мероприятиями, формулировку целевых ориентиров и задач, осуществляется региональными органами власти, поскольку они закономерно в большей степени осведомлены о региональных проблемах, которые возможно решить за счет средств ИПР.
>
> <...> Хотя по логике построения системы управления ИПР кураторы должны выполнять функцию посредников между регионами и Минэкономразвития России, в реальности органам власти субъектов Российской Федерации все равно приходится взаимодействовать по вопросам реализации ИПР с Минэкономразвития России напрямую. По словам одного из респондентов в регионе реализации ИПР, взаимодействие с куратором лишь добавляет несколько дополнительных дней к срокам процессов согласования решений в отношении программы» (Землянский и др., 2024, с. 130).

Заявления авторов

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Все авторы данной рукописи были уведомлены и согласны с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Все авторы подтверждают, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT):

Иванов А. Г. – предложил методологию исследования, провел анализ современного российского бюрократического аппарата.

Целыковский А. А. – провел анализ научной литературы по проблеме исследования, провел анализ бюрократии в социально-философской и политической теории.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Авторы подтверждают, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Андриянов, В. Д. (2011). *Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: История и современность*. Волтерс Клувер.

Блур, Д. (2017). Анти-Латур. *Логос*, 27(1), 85–134. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-85-131

Вебер, М. (2019). *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Господство*. Издательский дом Высшей школы экономики. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7

Вопросы создания электронного правительства и перевод государственных услуг в электронный вид: Учебно-методические материалы краткосрочной программы повышения квалификации (Т. 1). (2012). Институт подготовки кадров государственного и муниципального управления РАНХиГС.

Восленский, М. С. (2019). *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Директ-Медиа.

Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Канон.

Землянский, Д., Чуженькова, В., Абдуллаев, А., Калиновский, Л., Медведникова, Д., & Прусихин, О. (2024). Особенности и проблемы реализации индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. *Вопросы Государственного и Муниципального Управления*, (4), 44–78. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-4-44-78

Иванов, А. (2022). Мифология светлого будущего: Ответ российского государства на общественный запрос на справедливость. *Logos et Praxis*, 21(1), 22–29. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.3

Каллон, М. (2017). Некоторые элементы социологии перевода: Приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие. *Логос*, 27(2), 49–95. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-2-49-90

Крашенинников, П. В. (2026). *Золотой сон бюрократии. Государство и право эпохи застоя (1964-1985)*. Эксмо.

Купряшин, Г. Л. (2012). *Модернизация государственного управления: Институты и интересы*. Издательство Московского университета.

Латур, Б. (2020). *Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию*. Издательский дом Высшей школы экономики.

Маркузе, Г. (1994). *Одномерный человек*. Рефл-бук.

Моска, Г. (2023). *Начала политической науки*. КноРус.

Оболонский, А. В. (2015). Очерк истории российско-советской бюрократической номенклатуры. *Вопросы государственного и муниципального управления*, (3), 145–164.

Парето, В. (2024). *Социалистические системы*. РИОР.

Скиперских, А. В. (2024). От «сельсовета» к «технократам»: Легитимация политических элит Липецкой области при Игоре Артамонове. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (79), 282–297. https://doi.org/10.17223/1998863X/79/25

Стась, И. Н. (Ред.). (2025). *Советская ведомственность: Коллективная монография*. Новое литературное обозрение.

Федотова, В. Г. (2007). Субъект социально-гуманитарных наук. В *Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук* (сс. 491–494). Гардарики.

Фуко, М. (2022). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Ад Маргинем.

Хлевнюк, О., & Горлицкий, Й. (2024). *Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева*. Новое литературное обозрение.

References

Andriyanov, V. D. (2011). *Bureaucracy, Corruption, and the Effectiveness of Public Administration: History and the Present*. Wolters Kluwer. (In Russian).

Bloor, D. (2017). Anti-Latour. *Philosophical Literary Journal Logos*, *27*(1), 85–131. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-1-85-131 (In Russian).

Callon, M. (2017). Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint-Brieuc Bay. *Philosophical Literary Journal Logos*, *27*(2), 49–90. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-2-49-90 (In Russian).

Durkheim, É. (1995). *Sociology: Its Subject Matter, Method, and Purpose*. Kanon. (In Russian).

Fedotova, V. G. (2007). The subject of the social sciences and humanities. In *Contemporary Philosophical Problems of the Natural, Technical, Social Sciences and Humanities* (pp. 491–494). Gardariki. (In Russian).

Foucault, M. (2022). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Ad Marginem. (In Russian).

Issues in Creating E-Government and Transferring Public Services into Electronic Form: Educational and Methodological Materials for a Short-Term Professional Development Programme (Vol. 1). (2012). Institute for Training Personnel in State and Municipal Administration, RANEPA. (In Russian).

Ivanov, A. (2022). Mythology of a Bright Future: The Russian State's Response to the Public Demand for Justice. *Logos et Praxis*, (1), 22–29. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.1.3 (In Russian).

Khlevniuk, O., & Gorlizki, Y. (2024). *Secretaries: Regional Networks in the USSR from Stalin to Brezhnev*. New Literary Observer. (In Russian).

Krasheninnikov, P. V. (2026). *The Golden Dream of Bureaucracy: The State and Law of the Era of Stagnation (1964–1985)*. Eksmo. (In Russian).

Kupryashin, G. L. (2012). *Modernisation of Public Administration: Institutions and Interests*. Moscow University Press. (In Russian).

Latour, B. (2020). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. HSE Publishing House. (In Russian).

Marcuse, H. (1994). *One-Dimensional Man*. Refl-book. (In Russian).

Mosca, G. (2023). *The Ruling Class*. KnoRus. (In Russian).

Obolonsky, A. V. (2015). An Essay on the History of the Russian and Soviet Bureaucratic Nomenclature. *Public Administration Issues*, (3), 145–164. (In Russian).

Pareto, V. (2024). *Socialist Systems*. RIOR. (In Russian).

Skiperskikh, A. V. (2024). From "Village Council" to "Technocrats": Legitimation of the Political Elites of Lipetsk Oblast Under Igor Artamonov. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (79), 282–297. https://doi.org/10.17223/1998863X/79/25 (In Russian).

Stas, I. N. (Ed.). (2025). *Soviet Departmentalism: A Collective Monograph*. New Literary Observer. (In Russian).

Voslensky, M. S. (2019). *Nomenklatura: The Ruling Class of the Soviet Union*. Direkt-Media. (In Russian).

Weber, M. (2019). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Domination*. HSE Publishing House. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1516-7 (In Russian).

Zemlyanskiy, D., Chuzhenkova, V., Abdullaev, A., Kalinovsky, L., Medvednikova, D., & Prusikhin, O. (2024). Features and Problems of Implementation of Individual Socio-Economic Development Programs of the Subjects of the Russian Federation. *Public Administration Issues*, (4), 44–78. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-4-44-78 (In Russian).